

На правах рукописи

Зиноватный Павел Сергеевич

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Специальность 23.00.01 – теория политики,
история и методология политической науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

30 ЯНВ 2009

Москва – 2009

Диссертационная работа выполнена на кафедре теоретической политологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель доктор философских наук,
профессор **Расторгуев В. Н.**

Официальные оппоненты: доктор политических наук,
профессор **Гусев В. А.**

кандидат исторических наук,
доцент **Китинов Б. У.**

Ведущая организация: **Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО-
Университет), кафедра социологии**

Защита состоится 24 февраля 2009 г. в 15:00 часов на заседании
Диссертационного совета Д.501.002.14 при Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва,
Ломоносовский проспект, д.27, кор.4, философский факультет, ауд. А-518

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Отдела диссертаций
Фундаментальной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу:
Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8 этаж, к. 812.

Автореферат разослан « ____ » января 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
Д.501.002.14
кандидат философских наук,
доцент

Сытин А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одной из наименее исследованных в теории политики остается тема «репрессивного общества». Хотя любое государство и любая политическая система репрессивны по определению, так как исполнение властных решений обеспечивается разветвленной карательной системой и физическим принуждением, вне поля зрения зачастую находится символический тип репрессии, который предполагает принуждение посредством воздействия на внутренний духовный (психический) мир человека.

Начиная с 90-х гг. XX века, с момента падения биполярной системы, в политической науке и в политической риторике, характерной для евроатлантического Запада, широко применяется противопоставление демократий, «открытых и свободных обществ» так называемым «репрессивным обществам» и «репрессивным режимам». При этом достаточно отчетливо обозначилась тенденция, связанная с использованием наднациональными властными элитами подобных классификаций и оценок как едва ли не главного аргумента при принятии политических решений карательного характера по отношению к государствам, режимам и даже цивилизационным мирам, попавшим по самым разным причинам в число «изгоев» и геополитических противников «свободного мира». Доминированию этой тенденции в политической теории и практике содействует формирование и распространение политологических учений и их своеобразного «отражения» в мире реальной политики – геополитических доктрин, обосновывающих необходимость установления «однополярного» мироустройства в интересах «продвижения свободы». Назначение такого рода учений и доктрин состоит в обосновании вполне предсказуемых репрессивных мер: как только «продвижение свободы» в какой-либо точке земного шара встречает сопротивление со стороны общества или политического режима, США получают повод и идеологические основания усмотреть в этом угрозу собственной национальной безопасности и ответить

мерами военного «принуждения к свободе». Знаковыми политическими событиями конца 90-х – начала 2000-х гг. стали инициированные и осуществленные США и их европейскими партнерами военно-силовые меры по смене политических режимов в ряде регионов (Югославии, Афганистане, Ираке).

Актуальность заявленной темы постоянно возрастает, поскольку последствиями такой практики явились как внутривнутриполитическая дестабилизация во «взрывоопасных регионах» (вплоть до разрушения союзной государственности, как это имело место в Югославии), так и стратегическая нестабильность, пронизывающая все сферы жизни. В данном случае, как заметил А.С. Панарин, посвятивший этой проблеме свою последнюю опубликованную книгу, речь идет о модели, претендующей на универсальность: «с ее помощью может быть описана как глобальная стратегическая нестабильность современного мира в целом, так и стратегическая социальная нестабильность, связанная с современными реформами и модернизациями в отдельных странах, в том числе и в России»¹.

Технологии глобальной дестабилизации с полным набором «репрессивного инструментария» используются и совершенствуются под «теоретическим прикрытием» исследовательских программ и проектов, далеких от политической нейтральности и научной объективности, но опирающихся на огромный массив социологических данных, которые создают видимость полной достоверности, значимости и актуальности сделанных выводов и рекомендаций. К примеру, влиятельная американская правозащитная организация “Freedom House” с 1972 года публикует ежегодные доклады *«Свобода в мире»* (“Freedom in the World”), в которых выстраивает градацию более 192 государств и 14 территорий по степени «несвободы» или *«репрессивности»* их политических режимов. Несмотря на то, что “Freedom House” формально является неправительственной

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 8.

организацией², резюме ее докладов под тенденциозным названием «Худшие из худших: самые репрессивные общества мира» ежегодно представляются Комиссии по правам человека и Совету по правам человека при ООН, а по итогам их обсуждения делаются заявления на уровне генерального секретаря ООН. С 1996 года среди «лидеров» по уровню репрессивности одно из первых мест в этом списке занимает Республика Беларусь – ближайший геополитический союзник России и член Союзного государства. К числу репрессивных обществ в докладе отнесен также один российский регион – Чечня (в группе «самых худших»), а сама Россия с 2005 г. постоянно получает статус “NF” – «несвободного государства».

Переживаемый сейчас мировым сообществом глубокий финансовый кризис демонстрирует исключительную политическую и теоретико-политологическую актуальность проблемы, поскольку тенденция тотальной дестабилизации подталкивает ведущие страны мира к выбору репрессивных технологий. Мировой финансовый кризис приведет не только к усилению влияния и «веса» центров глобальной политической власти, но и к их жесткой конкуренции или к возникновению неких новых, более динамичных и консолидированных, форм политической организации мира. Именно в таком контексте представляется актуальным по-новому осмыслить классическую проблему взаимоотношения репрессии и свободы в политической жизни.

Степень разработанности проблемы и характеристика источников

Научная разработка понятий «репрессивного общества», «репрессивной власти», «репрессивной личности» началась в рамках Франкфуртской школы философии и социологии с имманентной критики пути развития западной цивилизации в эпоху модерна. В результате семантической инверсии сегодня эти понятия используются в прямо противоположном смысле – для дискредитации не-западных культур и режимов, обоснования силового

² Некоторое время председателем попечительного совета этой организации состоял Р.Дж.Вулси-младший – директор ЦРУ США в 1993-1995 гг.

вмешательства во внутренние дела других стран и символического воздействия, сопровождающего такое вмешательство. В силу подобных инверсий тема репрессий, или точнее «символических репрессий», в политике остается мало исследованной в политической науке.

Одна из первых попыток преодолеть «символические барьеры» и дать систематический анализ этих явлений принадлежит А.С. Панарину. В своей последней, едва начатой работе «Духовные катастрофы нашей эпохи в свете современного философского знания» он планировал посвятить проблеме особый раздел «Тема “репрессивного общества” в европейской философии»³. Наряду с онтологическим нигилизмом, индивидуализмом предполагалось рассмотреть репрессию в теоретико-политологическом плане – как третью «духовную катастрофу» современного человечества. К сожалению, исполнить задуманное ученый не успел, однако его подход можно реконструировать на основе других книг и статей.⁴ Разработка темы «репрессивного общества» в творческом наследии Панарина, выделение им трех типов репрессий («ГУЛАГ европейского модерна», советский ГУЛАГ и «ГУЛАГ в системе постмодерна») послужили автору диссертации отправной точкой и методологическим ориентиром для самостоятельного исследования проблемы.

Определить область теоретического знания, где понятие репрессии употреблялось в научном смысле изначально, представляется возможным, если обратиться, например, к классическим работам по полицейскому и уголовному праву⁵. Раскрытию феномена символических репрессий содействует обращение к такому инструменту репрессивной политики

³ Панарин А.С. Духовные катастрофы нашей эпохи на языке современного философского знания // Москва. 2004. № 1, 3. Об этой работе см. Зарубина Н.Н. Повернуть мысль лицом к жизни // Литературная газета. 2004. № 20-21.

⁴ Панарин А.С. Глобализация и постмодернизм // Вопросы философии. 2003. № 6; Искушение глобализмом. М., 2000; Политология. М.: Проспект, 2000; Политология: Восток и Запад. М., 2000; Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Смерть и воскресение Отца в массовой политической культуре нашего времени // Власть. 26 марта 2003. № 3; Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003.

⁵ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Изд. 2. СПб., 1908; Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. В 2-х тт. М., 2001.

государств, как «позорящие наказания» (“degrading treatment or punishment”).⁶ Понятие репрессии давно и прочно вошло аппарат психологической науки.⁷ Широкой популяризации в социальных и гуманитарных науках понятие «репрессия» обязано психоанализу З.Фрейда, который обозначил этим термином первичный защитный механизм человеческой психики. В схожем ключе термин употребляется учениками и последователями Фрейда.⁸ Новым этапом в изучении репрессии, репрессивного общества стали два течения фрейдизма – «неофрейдизм» и «левый фрейдизм». Из первого наиболее значимыми представляются концепции таких теоретиков, как Т.Адорно и Э.Фромм⁹, из второго – концепции В. Райха и Г. Маркузе¹⁰. Проблемы репрессивного общества, репрессивных механизмов воспроизводства западной культуры ставились и решались в работах теоретиков постструктурализма и постмодернизма. В частности М. Фуко, Ж. Дерриды и Ж. Бодрийера¹¹.

⁶ Полетаев Н. Малоизвестные наказания прежнего времени в Англии и Америке // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1898 г. Кн. 3.

⁷ Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб., 2001.

⁸ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск, 2003; Он же. Психоаналитические этюды. Минск, 2003; Фрейд А. Эго и механизмы защиты. М., 2003; Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001; Erdelyi М.Н. The Unified Theory of Repression. N.Y. 2006.

⁹ Адорно Т. Избранное: социология музыки. М.-СПб., 1999; Он же. Негативная диалектика. М., 2003; Он же. Проблемы философии морали. М., 2000. Он же. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3; Александрова С.Н. Адорно // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002.; Кудина В.А. «Диалектика просвещения. Философские фрагменты» // Там же; А.И. Пигалев. «Негативная диалектика» // Там же; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004; Он же. Бегство от свободы. М., 2004.

¹⁰ Райх В. Психология масс и фашизм. М., 2004; Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6; Он же. Одномерный человек // Он же. Эрос и цивилизация. М., 2003; Он же. Разум и революция. СПб., 2000; Он же. Эрос и цивилизация // Он же. Эрос и цивилизация. М., 2003; Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии XX века // Альманах «Восток». 2003. № 3; Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.

¹¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996; Он же. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996; Он же. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997; Он же. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999; Он же. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М., 2002. Ч. 2. М., 2005; Рыклин М. Сексуальность и власть:

Необходимо особо выделить диссертационные исследования С.Журавлевой и А.Сухно, в которых проблема репрессии становится предметом философского, теоретического анализа.¹² В первой работе с помощью модели динамической языковой реальности обоснована взаимосвязь между доминированием креативного или репрессивного векторов в динамике языка и духовным развитием или же упадком как отдельной личности, так и нации в целом, показаны особая социокультурная значимость национальной художественной словесности в расширении выразительных возможностей языка и увеличении смысловой «нагруженности» индивидуального мировосприятия, а также противоположный этому процесс идеологического манипулирования сознанием посредством использования специальных риторических (искусственных) приемов и особых семантических (естественных) выразительных средств самого языка, актуализирующих репрессивный эффект языкового воздействия на сознание реципиентов. В работе А. Сухно проведено исследование комплекса проблем, связанного со свободой, освобождением, противодействием репрессивной действительности (субъективным, идеологическим и социально-политическим) механизмам угнетения и господства, а также предпринята попытка создания на основе моделей Ж.-П. Сартра и Ж. Делеза – Ф. Гваттари концептуального «аналитического устройства», позволяющего отследить существующие в

антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 6; Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки. Вып. 4. М., 1998; Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; Гурко Е.Н. Грамматология // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002.; Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000; Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000; Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1997.

¹² Журавлева С.М. Язык в онтологической парадигме: креативный и репрессивный потенциал: диссертация... кандидата философских наук. 09.00.01. М., 1999; Сухно А.А. Анти-репрессивная программа: экзистенциальная аналитика и микрофизика бессознательного: по материалам «Бытия и Ничто» Ж.-П. Сартра и «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03. М., 2007.

произвольно выбранной системе репрессивные инстанции и разработать конкретную стратегию по их уничтожению.

Следующую группу источников составляют работы, относящиеся к феномену тоталитарного государства, тоталитарной диктатуры, в первую очередь СССР¹³. Духовная и психологическая основа советского тоталитаризма всесторонне раскрыта в работах многочисленных отечественных и зарубежных исследователей¹⁴.

Раскрыть «репрессивную составляющую» политического процесса в системах представительных демократий позволяет анализ ставших классическими произведений Платона, Р. Арона, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвиля, М. Фридмена, Ф. Хайека, Д. Истона, Г. Алмонда, Х. Ортега-и-Гассета¹⁵. Написанная спустя почти столетие после знаменитого «Восстания масс» К.Лэшем книга «Восстание элит» содержит множество важных фактов и концептуальных обобщений кризисного функционирования системы представительной демократии в США на рубеже 20-21 вв. Кризис западных представительных демократий и связанный с ним духовный кризис

¹³ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии (большевиков). Омск, 1920; Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М., 1974; Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999; Сталин И.В. Сочинения. Т. 1-13. М., 1949-1951; Троцкий Л.Д. Перманентная революция. М., 2005; Баллаев А.Б. К. Маркс и М. Штирнер. Спор об «иерархии» // Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К.Маркса. М., 1999.

¹⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999; Он же. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 2000; Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002; Оруэлл Д. Литература и тоталитаризм // Скотный Двор; 1984. М., 2000; Он же. Подавление литературы // Скотный Двор; 1984. М., 2000; Он же. О новоязе // Скотный Двор; 1984. М., 2000; Солоневич И.И. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. М., 1994; Он же. Диктатура сволочи. М., 1995.

¹⁵ Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // ПОЛИС. 1992. № 4; Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. Сравнительная политология сегодня. М., 2002; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1994; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998; Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000; Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997; Фридмен М., Хайек Ф. о свободе // «Философия свободы», вып. II. М., 2003; Платон. Диалоги. М., 2003. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N.Y., 1965; Easton D. An Approach to the Analysis of Political System // World Politics. 1957. Vol. 9. № 3; Easton D. The Political System. N.Y., 1953; Easton D. A Framework for Political Analysis. Englewood Cliffs, 1965.

человечества проанализирован в работах популярного во 2-й половине 19 – начале 20 в. германского писателя М. Нордау (С.М. Зюдфельд)¹⁶.

Кроме того, интересные наблюдения за судьбами государственности и духовными сдвигами, сопутствующими развитию демократий в современную эпоху, содержатся в работах А.Ю. Ашкерова, В.Н. Расторгуева, Е.Б.Шестопаля, В.И. Шамшурина, М. ван Кревельда, Д. Ботсфорда¹⁷.

Гипотеза преобладания в современную эпоху практик репрессивного подавления духовного в человеке, «символической власти» и «символического насилия» разрабатывалась видным французским социологом П. Бурдьё¹⁸. Значение «символической жизни», религии для духовного здоровья человека и благополучия общества показано в многочисленных работах К.Г. Юнга¹⁹. Анализ механизмов символического воздействия как средства достижения политических целей был бы не полным без обращения к результатам работ, в частности П. Хаттона и Б. Андерсона, по проблемам конструирования национальной, социальной, культурной

¹⁶ Нордау М. Кому нужна система «прямых» выборов? М., 1906; Нордау М. Ложь предсоциалистической культуры. М., 1907, – вольный пересказ К.П. Победоносцевым отдельных положений данной книги составил самую известную статью его «московского сборника» - «Великая лож нашего времени».

¹⁷ Ашкерова А.Ю. Власть веры или власть принуждения? // Вестник академии наук. 2000. № 11; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006; Расторгуев В.Н. Русская культура и российская политика // Трибуна русской мысли. 2006. № 2; Он же. Творчество и догматизм. Тверь, 1990; Он же. Формирование целостного мировоззрения и методы интерпретации научных концепций. Калинин, 1984; Шамшурин В.И. О культуре исторического мышления // Философский ежегодник. 1989-1990. М., 1990; Он же. Проблема символа в христианстве и языке // Мир культуры. М., 2001; Он же. «Свободный разум» и «свободное общество»: теория социального самоуправления Р. Дж. Коллингвуда // «Социологические исследования». 1991. № 11; Шестопаля Е.Б. Личность и политика. М., 1988; Она же. Символический интеракционизм Дж. Г. Мида // Вестник МГУ. Сер. 8. 1976. № 2; Boisford D. Compulsion versus Liberty in Education (5): Psychology of Repression // Libertarian Alliance. Educational Notes. 1993. № 19.

¹⁸ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.-СПб., 1999; Он же. Начала. М., 1994; Он же. Социология политики. М., 1993.

¹⁹ Юнг К.Г. Символическая жизнь. М., 2003; Человек и его символы. М., 2008; Архетип и символ. М., 1991; Проблемы души нашего времени. М., 1996 и др.

реальности с помощью мнемонических техник – так называемой «политики памяти»²⁰.

Исследование проблем управления человеческим обществом с помощью процессов коммуникации, информационного обмена, манипуляции сознанием имеют прямое отношение к теме настоящей диссертации. Из отечественных специалистов в названных областях можно отметить А.С.Панарина, Б.Н. Бессонова, Г.В. Грачева, П.С. Гуревича, И.М.Дзялошинского, Т.С. Кабаченко, К.Х. Каландарова, С.Г. Кара-Мурзу, В.Н. Расторгуева²¹. Из зарубежных – З.Баумана, С. Бенхабиб, З. Бжезинского, Э. Гидденса, Р. Гудина, Э. Тоффлера, Г. Шиллера, Н. Хомского²².

Наконец, последний блок источников, без которых вряд ли возможно полноценное исследование репрессивного характера современной цивилизации, – это русская социально-философская и религиозная мысль. Разница в политической строе России и Европы, феномен русского самодержавия заставили по-иному взглянуть на проблему свободы человека

²⁰ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об историках и распространении национализма. М., 2001; Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2003.*

²¹ *Панарин А.С. Глобальное информационное общество: вызовы и ответы // Власть. 29 января 2001 г.; Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М., 1978; Бессонов Б.Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий. М., 2006; Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможность психологической защиты. М. 1998; Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; Дзялошинский И.М. Масс-медиа: репрессивная система коммуникации // Альманах «Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations». 2003 № 6, 2004 № 1; Кабаченко Т.С. Психология управления: Учебное пособие. М., 2005; Каландаров К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. М., 1998; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005; Кейзеров Н.М. Идеологические диверсии. М., 1979; Расторгуев В.Н. Глобализация на руинах глобализма // Логика метансторического времени. М., 2004; Расторгуев В.Н. От образовательного минимума к нравственным максимумам // Трибуна русской мысли. 2002. №4; Расторгуев В.Н. Рубеж времени. Стратегия будущего как выбор прошлого // Трибуна русской мысли. 2002. №1.*

²² *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003; Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Мартин Г.П., Шуман Х. Западная глобализации. М., 2001; Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Хомски Н. Прибыль на людях. М., 2002; Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Пер. с англ.; Науч. ред. Я.Н. Засурский. М., 1980; Chomsky N., Herman E.S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N.Y., 2003; Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda. N.Y., 2002; Goodin R.E. Manipulatory politics. N.Y., 1982.*

в обществе, проблему государственного принуждения и наказания, пределов и целей государственного вмешательства. Для целей настоящего исследования автор обращался к работам Б.П. Вышеславцева, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Е.Э. Месснера, К.П. Победоносцева, В.С. Соловьева, И.Л. Солоневича, Л.А. Тихомирова, Ф.И. Тютчева, Б.Н. Чичерина²³.

Объект, предмет, цель и задачи исследования. *Объектом* диссертационного исследования являются идеология и практика духовной («символической») репрессии по отношению к человеческой личности как условие поддержания стабильного функционирования политических систем Нового и Новейшего времени. *Предметом* исследования стали конкретные концепции «репрессивного общества», символических репрессий и их соответствие реальному политическому процессу. Термин «современный», вынесенный в заглавие работы, ограничивает хронологические рамки исследования двухвековым периодом функционирования политических систем представительски-демократического типа – от Американской и Французской революций 18 века и европейских революций 1848 г. до наших дней.

²³ *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М., 1994; *Достоевский Ф.М.* «Человек есть тайна...». М., 2003; *Ильин И.А.* О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // *Он же.* Собрание сочинений. Т. 7. М. 1998; *Ильин И.А.* О сущности правосознания // *Он же.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1994 *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежсвойна. М., 2004; *Победоносцев К.П.* Записки по законоведению: Курс лекций. 1885-1888 гг. / Публ. Е.В. Тимошиной // *Известия высших учебных заведений. Сер. Правоведение.* 1997. № 1; *Соловьев В.С.* Три разговора // *Он же.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1988; *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2003; *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002; Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты / Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001; *Тихомиров Л.А.* Власть и народ // *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения // *Он же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; *Тихомиров Л.А.* Носители народного разума // *Он же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; *Тихомиров Л.А.* О верховной Власти // *Он же.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003; *Тютчев Ф.И.* О цензуре в России. Письмо члену Государственного Совета князю М.Д. Горчакову // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство» / Сост. В.И. Десятерик и др. М., 2002; *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Т. 3. Политика. М., 1894.

Основная цель исследования состоит в комплексном исследовании наиболее крупных концепций символично-репрессивного подавления личности и их корреляции с политическими реалиями современности. Для достижения этой цели в диссертации решаются следующие задачи:

1. Раскрыть понятие «репрессии» в теоретико-политическом плане и проанализировать эволюцию представлений о природе репрессий и репрессивного сознания.

2. Оценить методологический потенциал концептуальной схемы репрессивного общества в различных ее интерпретациях и теории символического насилия (символических репрессий) с учетом специфики политических режимов новейшей истории.

3. Раскрыть значение сферы символического не только как механизма социального развития, но и механизма социально-политического контроля в демократических политических системах.

4. Описать ключевые объекты символических репрессий с учетом специфики современных политических систем.

5. Наметить способы защиты человеческого сознания от технологий символических репрессий и проанализировать альтернативы глобального духовного и политического развития.

Теоретико-методологические основы исследования. Диссертация выполнена на основе историко-политологического подхода и текстологического анализа, с применением общенаучных логических методов (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительный метод). Автор диссертации исходит из классического европейского понимания политической науки как науки об условиях и способах достижения целей государственной жизни. Писаное законодательство, являясь одним из таких способов, в долгосрочном плане влияет на формирование народной психологии, на характер духовной сферы общества (Л. Петражицкий). Это диктует необходимость анализа и критической оценки политического порядка с точки зрения его целесообразности и справедливости, соответствия

потребностям развития общества. Другая методологическая основа работы – информационная парадигма, которая утверждается в политической науке в последние годы. В ее основе лежит понимание информации как главного фактора современной политической жизни и изменения не только методов политического господства и характера применяемых репрессий, но и самого человека, его менталитета, идентичности, предпочтений, ценностных установок.

Научная новизна работы. Настоящая диссертация является одним из первых в отечественной политологии комплексных исследований концепций репрессивного подавления личности как элемента современной политики, в том числе первым исследованием темы духовных репрессий в творчестве А.С.Панарина, а ее научная новизна заключается в следующем:

1. Выявлены и проанализированы наиболее значимые концепции репрессивного общества, репрессивной цивилизации в политической мысли XX в.

2. Раскрыты социально-исторические предпосылки формирования концепции репрессивной цивилизации, символического насилия и символических репрессий.

3. Исследована роль информационно-символического фактора в функционировании демократических политических систем и политической коммуникации в современных развитых обществах.

4. Предложена новая (теоретико-политологическая) классификация репрессивных обществ.

5. Обоснована необходимость активной государственной культурно-информационной политики в России, основывающейся на духовно-исторических корнях нашего общества.

Положения, выносимые на защиту

1. Всеобщее распространение представительных форм правления и внешняя демократизация политической жизни не только не привели к ослаблению репрессивного характера политической власти, как этого ожидали политические мыслители Нового времени, но и усилили его в результате беспрецедентного расширения государственного вмешательства в жизнь общества, а также мобилизации новых ресурсов и возможностей информационных технологий.

2. Практики социально-политического подавления личности, применяемые в интересах обеспечения стабильности социально-политической системы и описанные Г.Маркузе, Т. Адорно, М. Фуко, П.Бурдьё, А. Панариным и др., могут быть определены как «символические репрессии», поскольку в наше время политический порядок и дисциплина воспроизводятся правящими элитами не только и не столько посредством физического принуждения, сколько путем нравственно-психологического, духовного («символического») воздействия. Среди форм такого воздействия – наделение тех или иных социальных практик, институтов, моделей поведения, мировоззрений, стилей жизни и т.п. престижем или сознательная их дискредитация (делегитимация), в зависимости от потребностей конкретной политической стратегии, конъюнктуры и других обстоятельств.

3. Репрессивный аппарат и репрессивные механизмы имманентны политической сфере, являясь постоянным атрибутом политической власти, однако в зависимости от целей, ради которых они применяются, они могут приобретать в отношении социума как созидательный, так и разрушительный характер.

4. В системах представительных демократий технологии символических репрессий используются, как правило, в интересах удержания власти правящим меньшинством и обычно не совпадают с интересами «молчаливого большинства» общества.

5. Наиболее перспективной зоной поиска «защитных механизмов» от деструктивного воздействия символических репрессий является сфера исторической памяти и народного здравого смысла, личного жизненного опыта, а также большая письменная (для нашего цивилизационного региона – христианская) культурная традиция и сфера сакрального.

Научно-практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для решения общеметодологических проблем совершенствования политической системы в нашей стране, для оптимизации стратегического планирования и прогнозирования в сфере внешней и внутренней политики и, прежде всего в области культурной и информационной политики, а также в процессе разработки и реализации образовательных стратегий и социально-просветительских программ, а также в преподавании учебных курсов по теории политики, методологии политического планирования и прогнозирования, проблемам коллективной безопасности и политического процесса.

Апробация работы. Основные положения исследования отражены в выступлениях на «Ломоносовских чтениях» (2007 г.), Панаринских чтениях (2008 г.), выступлениях на международных семинарах в Зальцбургском университете им. Париса Лодрона (7. Österreichisch-Russische Sommerschule, июль 2007; семинар по мировой политике и международному праву, январь 2008) и в публикациях автора. Ряд выводов использовался при подготовке автором к изданию работ «Энергетическое право России. Правовое регулирование электроэнергетики в 1885-1918 гг.» (в соавт. с А.И. Грищенко; М.: Юрист, 2008), «История информационной политики в России. От Уложения 1649 г. до октября 1917 г.», «Правительство Царской России в 1905-1917 г. Сборник документов по внутренней политике» (очерк внутривнутриполитического положения России в начале прошлого столетия, отбор программных политических документов). Диссертация обсуждалась и была

рекомендована к защите на заседании кафедры теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы по теме исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет и теоретико-методологические основания исследования, раскрывается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «**Основные концепции «репрессивного общества» в социально-философской и политической мысли XX века**» посвящена раскрытию содержания понятия «символические репрессии» на основе анализа употребления понятия «репрессии», концепций «репрессивного общества» и понятия «символического насилия».

Понятие «репрессии», положенное в основу различных концепций «репрессивного общества», «репрессивного режима», «репрессивной цивилизации», «репрессивного правительства», «символических репрессий», своим изначальным смысловым содержанием восходит к тесно связанным друг с другом наукам уголовного и полицейского права, которые рассматриваются (наряду с позднее выделившейся наукой «политики») как части общей «науки о государстве». Первое изучает карательную деятельность государства, а вторая – административную. Как показывает анализ текстов научных работ по полицейскому и уголовному праву, термин «репрессия» (от. позднелат. *repressio* – подавление) был синонимом термина «наказание»²⁴. В этом уголовно-полицейском ключе – как «карательная мера», «наказание, применяемое государством» – репрессия определяется в

²⁴ В работе термины «репрессия» и «подавление» употребляются как синонимы, поскольку второй является дословным русским переводом первого.

официальных словарях в СССР и современной России²⁵. Термин «репрессия» происходит от позднелатинского слова “repressio”. Корневой глагол “premo” (и три другие его формы – pressi, pressum, premere) имеет значение давить, поработать, покорять, притеснять, угнетать, сдерживать, усмирять. Латинская приставка “re” означает повторяющееся или возвратное действие. Следовательно, “repressio” имеет такие значения: постоянно давить, угнетать, т.е. подавлять. Следует подчеркнуть, что современные психологи придают термину «подавление» (по-английски repression) более широкое научное содержание – «торможение реакции вследствие обусловленного страха»²⁶.

Если вслед за Г. Алмондом назвать «символической политикой»²⁷ апелляцию государства и его органов к моральным категориям, к чувствам граждан, ценностям, идеологемам, доверию и недоверию (воплощенную не только в речах, но и в действиях и вещах), то феномен «позорящих наказаний» с полным правом может быть расценен как одно из наиболее ярких проявлений «символических репрессий», которые используются политической системой в интересах обеспечения ее стабильного функционирования. Репрессии внешние, т.е. физические, телесные наказания, и репрессии внутренние, т.е. психическое вытеснение морально нелегитимного (с точки зрения интериоризованных в Сверх-Я норм культуры), тесно взаимосвязаны и имеют возможность трансформироваться друг в друга. Внешние репрессии, как правило, причиняют душевные страдания (если это не страдание «за правое дело», воодушевленное пророческим пафосом) и снижают физическую активность человека. Кроме того, часто культурные предписания из области Сверх-Я, вытесняющие все морально неприемлемое в бессознательное, имеют свое «отражение» в материальной сфере в форме уголовных наказаний за известные виды преступления (например, изнасилование, распространение порнографии и

²⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940; Большая советская энциклопедия (3-е изд., 1969-1978); Советский энциклопедический словарь. М., 1989; Новый энциклопедический словарь. М., 2001.

²⁶ Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб., 2001. С. 1094.

²⁷ Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. Сравнительная политология сегодня. М., 2002. С. 257-258.

др.), за которые предусматривается тюремное заключение, т.е. «вытеснение» преступника из общества, его изоляция.

Основу культурных запретов составляют запреты религиозные. При этом с именем З. Фрейда связано возникновение в начале 20 в. слабо обоснованной теории, согласно которой эти запреты представляют собой непосильное бремя для людей, ощущающих свой конфликт с культурой, вследствие чего якобы возникает необходимость замены религиозной мотивации на рациональную. Усматривая в чрезмерном давлении культурных норм на человеческую психику причину неврозов, З.Фрейд выступил за устранение такого давления культуры и реформирование ее духовных оснований. В диссертации критически рассматривается грандиозный реформаторский проект, целью которого являлось «изъятие религии из нашей европейской культуры».²⁸ Ввиду того, что функция подавления воли и репрессии за недозволенное поведение составляет необходимый признак всякого государства, а действия репрессивного механизма в той или иной мере касаются человеческой психики, предложена новая классификация «репрессивных обществ». В ее основу положен фактор доминирования механизмов и технологий *внешних* (физических, телесных) или *внутренних* (психологических, духовных, т.е. символических) репрессий. При этом учитываются внешние источники страха, будь то воздействие на тело (заключение в тюрьму, казнь, телесные наказания) или воздействие на психику (общественное осуждение, порицание, осмеяние, недоверие, неуважение, указание на слабость и уязвимость). Такой подход позволяет выделить политические системы, в которых общественный и культурный порядок обеспечивается преимущественно либо уголовно-полицейскими, либо психологическими репрессиями, либо действиями, соединяющими в себе и то, и другое. Данная классификация представляет собой не столько застывшие формы, сколько «идеальные типы» в веберовском понимании этого термина, т.е. теоретические конструкции, пригодные для анализа

²⁸ Там же. С. 521.

сложившихся реалий. По мнению автора, к первому типу можно отнести большинство государств до их вступления в информационную эпоху, к смешанному типу – тоталитарные или «прототалитарные» системы, сложившиеся в XX веке, а к типу с преобладающими психологическими (символическими) репрессиями – современные либеральные демократии западного образца в «информационную эпоху».

Выявленное З. Фрейдом проблемное поле, позволяющее акцентировать внимание на вытеснении одних психических элементов другими (первичные телесные «желания») и на интериоризованных человеком внешних нормативных ограничениях (предписания культуры, законы, мораль и т.п.), тесно связано с процессами образования и функционирования массовых групп (религия, армия, государство и т.п.). Это исследовательское направление получило дальнейшее развитие в работах мыслителей, которые не являются прямыми последователями Фрейда и идентифицируют себя с различными направлениями социально-философской мысли. Если Фрейд сосредоточивал свое внимание преимущественно на процессах, присущих психическому миру отдельной личности, то в работах других авторов преобладают социальные аспекты, связанные с жизнедеятельностью общества как единого целого.

В диссертации специально рассматриваются наиболее известные концепции репрессивных механизмов в обществе и политике, разработанные В. Райхом, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Дерридой и оказавшие значительное влияние на интеллектуальный мир, развитие социальных наук и становление политических идеологий в XX веке. Сущность и истоки репрессивного характера западной цивилизации устанавливались в разных теоретических направлениях по-разному: их находили и в подавлении сексуальных инстинктов, и в техницистской рациональности Нового времени, и в доминировании принципа «иметь» над принципом «быть», и в преобладании «одномерных людей» вследствие подавления инстинктивных потребностей человека и действия «репрессивной толерантности», и в

логоцентризме европейской культуры. Соответственно этому, предлагались различные пути преодоления репрессивного характера цивилизации: сексуальная революция, ликвидация «машинной цивилизации», установление децентрализованной социально-экономической демократии и самоуправления трудящихся, устранение «прибавочной репрессии» с помощью «принципа реальности», устранение господства логоцентризма и «реабилитация письменности». Примечательно, что все рассмотренные концепции репрессивного общества по сути являются атеистическими, отрицающими или игнорирующими христианское наследие западного мира, однако некоторым из них присущ почти религиозный пафос – вера в науку, свободу, демократическое самоуправление трудящихся.

Последний параграф главы посвящен рассмотрению концепции «символического производства» П. Бурдьё, имеющей важное значение для раскрытия понятия «символических репрессий», поскольку в ее рамках удалось сформулировать важнейший закон современной системы политико-символического производства, касающийся соотношения физических (телесных) и психических (духовных), т.е. символических репрессий. У государства, по мысли Бурдьё, нет необходимости давать приказы и совершать физическое насилие, чтобы упорядочить социальный мир, поскольку он будет существовать столь же долго, сколь долго государство будет способно производить инкорпорированные когнитивные структуры, согласованные с объективными структурами и таким образом обеспечивать подчинение установленному порядку и веру в него.

Во второй главе «Институционализация репрессивной модели общества в политических системах современности» анализируются политико-институциональные механизмы символических репрессий на примере двух разновидностей политических систем современности – «советского тоталитаризма» и представительной демократии западного типа, которой также не чужды тоталитарные характеристики.

Идеологическим фундаментом советской политической системы была идеология социализма. Ее суть – не с точки зрения общественных и политических наук, а с точки зрения простого обывателя – наиболее емко определил профессор Н.Х. Бунге (1823-1895): «Под социализмом разумеется такое общественное устройство, в котором для человека становится возможным достижение счастья».²⁹ Интерес к идеологии социализма возникал всегда, когда ослабевает общественная дисциплина и человек перестает покорно нести бремя жизни, а богатство других возбуждает в нем ненасытные желания, когда общественное брожение порождает сомнение в справедливости, закономерности или незыблемости религиозных или общественных отношений и порядков. Очевидно, что понятие о счастье чрезвычайно растяжимо и легко может быть использовано для манипуляции недовольными членами общества.

Ключевым обстоятельством, наложившим отпечаток на характер установления и самоутверждения советской власти и большевистской партии, является то, что численность пролетариата – социальной основы большевистской партии – на момент так называемой «пролетарской революции» в конце 1917 года, по самым оптимистичным оценкам, не превышала 20%, т.е. *одной пятой* всего российского населения. Около 75-80% населения составляло крестьянство, которое поддерживало другие партии (в первую очередь ПСР) и которому марксизм-ленинизм не обещал ничего, кроме «пролетаризации». Поскольку *четыре пятых* населения не разделяли ни политических целей, ни идеологии большевиков, то пролетариат и главным образом его «авангард» фактически оказался во враждебном окружении, что требовало силовой, вооруженной и жестокой борьбы за отстаивание захваченных позиций и легитимации власти. В этих социально-политических условиях и оформилась большевистская доктрина, давшая теоретическое обоснование необходимости жесткой репрессивно-

²⁹ Бунге Н.Х. Загробные заметки / Публикация В.Л. Степанова // Река времен. Кн. I. М., 1995. С. 226.

карательной системы и террора. Отсюда и методы господства новой власти: метод убеждения по отношению к рабочему классу и метод принуждения и подавления по отношению ко всем остальным. Духовная репрессия большевистского партийно-государственного аппарата в отношении многомиллионного населения осуществлялась по четырем направлениям: уничтожение памяти о прошлом, запрет на массовое распространение какой бы то ни было информации, расходящейся с линией партии и правительства («антисоветчина»), насаждение сначала «революционного правосознания», а потом «социалистического правосознания» и постоянная борьба с религиозной верой.

Символично-репрессивная система реального социализма опиралась на широкое использование показательных квазисудебных процессов и внезапных арестов, эксплуатацию труда заключенных, пропаганду классовой ненависти и насаждение образа врага, внешнего и внутреннего, на доноительство и небывалое ограничение свободы хозяйственной самостоятельности, фальсификацию исторических данных и абсолютный контроль над распространением информации, конъюнктурное толкование принципов права и справедливости. В отличие от советской репрессивной системы, уже ставшей достоянием истории, системы представительной демократии демонстрируют свою жизнеспособность. В работе развернут анализ теоретико-методологических оснований и практики функционирования таких политических систем с целью выявления их репрессивного потенциала.

Автор классической политологической теории политических систем Д. Истон рассматривал их как «совокупность взаимодействий, извлеченных из всего социального поведения, посредством которых ценности принудительно распределяются в обществе». Политическая система должна эффективно выполнять две функции: распределять ценности для общества и одновременно подталкивать большинство членов *принимать эти распределения как обязательные*, по крайней мере, большую часть времени.

Система может подвергаться кризису или «стрессу требований». В целях минимизации рисков вводятся конкретные культурные запреты, которые помогают «держаться на поводке» некоторые требования уже в самом начале, когда они начинают приобретать очертания того, что пока не является еще политическими потребностями, стремлениями или желаниями. Главная мысль Д. Истона состоит в том, что любая политическая система – демократическая или недемократическая – не просто реагирует на идущие от общества требования и запросы, а сама активно участвует в формировании этих требований, поддерживая, усиливая или ослабляя, подавляя те из них, которые не отвечают каким-либо параметрам системы. Второй момент состоит в том, что система не просто «авторитарно распределяет ценности», не всегда сообразуясь с социальными требованиями, но и предпринимает активные усилия, чтобы все ее решения, а также само ее существование безоговорочно поддерживались. Если тезисы Д. Истона справедливы, то приходится признать, что реальные политические процессы не соответствуют теоретическим презумпциям идеи демократии: правит не народ, а система. При этом одобрение политического курса происходит не в результате его свободной и взвешенной оценки обществом, а является продуктом особой системы духовного («символического») производства, т.е. является искусственной.

А.С. Панарин заметил в этой связи: «Если предположить, что политическая система наделена собственным содержанием и имеет собственные импульсы, тогда от представительской презумпции мало что останется: мы будем иметь не систему-отражатель, а систему-воспитатель, подчиняющую большинство своим преобразовательным проектам»³⁰.

В работе анализируются отдельные проекты и прогнозы, в частности, пессимистический прогноз А. де Токвиля относительно представительной демократии. Демократическое правительство, по его мысли, объемля своей деятельностью все общество, получает возможность лепить из граждан «то,

³⁰ Панарин А.С. Политология. Изд. 2. М., 2002. С. 76.

что ему необходимо». В результате политики таких правительств общество покрывается сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают «наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой». Демократический лидер не «сокрушает волю людей, но размягчает ее, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервирует, гасит, оглушает и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство». Токвиль делает вывод о том, что подобная форма рабства – «тихая, размеренная и мирная» – могла бы сочетаться с внешними атрибутами свободы и может «установиться даже в тени народной власти»³¹. Позиция Токвиля иллюстрируется в работе примерами современных американских законов в области обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом.

Заключительный параграф главы посвящен теме «репрессивных коммуникаций». Современные специалисты в области коммуникативистики, теории массовой информации, делят совокупность разнообразных подходов к проблеме воздействия на сознание и поведение на две группы. К первой относятся теории и технологии, допускающие и поддерживающие *несимметричную* коммуникацию, когда один из участников коммуникации определяет ее содержание и способы общения, а другой лишь подчиняется. Такая коммуникация и оправдывающие ее теории получили название *репрессивных*. Другая практика опирается на идею *симметричной* коммуникации, объединяющей равноправных партнеров. Этот тип коммуникации можно назвать *диалогической* или *гуманитарной*³². Репрессивная коммуникация имеет в литературе разные названия: «зомбирование», «манипулятивные технологии», «психологические

³¹ Там же. С. 497.

³² Дзялошинский И.М. Масс-медиа: репрессивная система коммуникации // Альманах «Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations». 2003 № 6, 2004 № 1.

операции», «политические кампании» (информационно-пропагандистские, рекламные и т.п.), «комплексные манипуляции», «политические игры», «лоббирование», «кризисные технологии» и т.д.

Одним из эффективных механизмов репрессивной коммуникации (наряду с деятельностью масс-медиа) следует признать групповой конформизм, зависимость от коллективного мнения и страх оказаться «не таким, как все». В наибольшей степени роль этого механизма проявляется в системе народного образования. В исследовании проанализированы те составляющие современных западных (в частности, американской) систем образования, которые осуществляют «символические репрессии» путем индоктринации и служат механизмом политического контроля.

Третья глава **«Ключевые объекты символических репрессий и поиск гуманистической альтернативы»** представляет собой попытку научного осмысления феномена символических репрессий с точки зрения базовых интенций и ценностных оснований русской культуры. Если символические репрессии являются характерной чертой осуществления власти в системах представительной демократии, то теряется и само демократическое содержание политического процесса. Такой вывод дает методологические основания для объективной оценки нашей собственной политической традиции, которая трактовалась исключительно как реакционная и репрессивная вследствие навязанной в свое время ложной дилеммы: «самодержавный гнет и тюрьма народов либо политическая демократия и гражданская свобода».

Становление представительных форм правления в последние 1,5-2 века – как на Западе, так и в России – сопровождается не столько секуляризацией политики и культуры, сколько ее целенаправленной «дехристианизацией». В работе прослеживаются основные вехи взаимоотношений христианства и политики в истории западного мира – от установления союза при римском императоре Константине до его постепенного разрыва, нашедшего отражение как в соответствующих конституционных нормах, так и в

новейших законах об эвтаназии или, к примеру, о регистрации однополых браков, фактически легализовавших антихристианские ценности. Касаясь вопроса о том, как законодательная политика в долгосрочной перспективе влияет на психологию общества (на основе теории Л.Петражицкого), автор обращается к утверждению К.Г. Юнга о том, что секуляризация общественной жизни и культуры лишила западного человека «символической жизни» и послужила причиной роста числа неврозов.

Другим важнейшим объектом символических репрессий наряду с христианскими основаниями европейской культуры является «историческая память». Эта проблема раскрывается в диссертации на основе обращения к исследованиям относительно нового понятия, до сих пор почти не реципированного политологией – «политика памяти» (П.Хаттон, Б.Андерсен) и иллюстрируется рядом сюжетов из политической жизни России времен царствования последнего императора Николая II. В диссертации обосновывается тезис о том, что целенаправленное навязывание обществу в течение длительного времени (через систему образования, массовые коммуникации, символическую политику) определенных представлений о его прошлом, а также о принципах и ценностях его исторического развития в конечном итоге препятствует адекватной оценке истории, происходящих событий и перспектив, лишает способности принимать правильные стратегические решения относительно своего будущего.

Заключительный параграф главы посвящен анализу темы «репрессии» как одной из «духовных катастроф» современности в творческом наследии А.С. Панарина и его понятию «гуманистической альтернативы» репрессивному сознанию Нового времени. Восприняв ряд идей религиозного экзистенциализма (прежде всего, К.Ясперса), А.С. Панарин видел главную проблему современного мира в дефиците духовной, социальной энергии. Понять эту проблему можно, мобилизовав тип понимающего знания, альтернативный объяснительному. С его помощью открывается тип «репрессированной, подавляемой реальности», не признаваемой

бюрократически-упорядочивающим разумом – новоевропейского Просвещения. К этой реальности, по мысли А.С. Панарина, относятся три «допросвещенческих» и «постпросвещенческих» мира – мир ценностей, «жизненный мир» и «мир истории». Политическое выражение катастрофы духовных репрессий мыслитель усматривал как в становлении политических систем модернистского и постмодернистского типа, так и в характере современной глобализации, сутью которой является «мировая война богатых против бедных», социал-дарвинизм, насильственная экономическая либерализация, стремление обеспечить благоденствие «золотого миллиарда» путем геополитического передела благ и ресурсов планеты и духовно-культурного разоружения «стран-изгоев» (обладателей этих ресурсов) путем навязывания им «асоциальной чувственности», противопоставление глобальной и национальной идентичности, дистанцирование национальных элит от «туземного» населения и их переориентация на вненациональные центры власти и влияния, дискредитация элит, сохраняющих национальную привязку.

Основные составляющие «гуманистической альтернативы» репрессивному подавлению личности или нового «формационного прорыва» А.С.Панарин видел в возрождении духовной власти («новый фундаментализм»), возвращении сакрального начала в культуру и реабилитации «принципа историзма», «экстенсивного принципа» и народного здравого смысла, в интеграции культурных систем Запада и Востока, «переоткрытии» онтологической и антропологической связи творчества – духовного, социального, политического, экономического – с религиозной идеей, а также в православном альтернативном проекте. В сфере политики это должно привести к утверждению новой демократии равенства, подлинного участия и гражданской самодеятельности, создаваемой творческими личностями и сохраняющими «архаическую» пассионарность морально-религиозного типа.

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационной работы, намечаются направление и задачи дальнейшего исследования темы.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК:

1. *Зиноватный П.С.* Символические репрессии в современной политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Пол. науки. 2008. № 3. 0,15 п.л.

Другие публикации:

2. *Зиноватный П.С.* Состояние постмодерна и стратегические вызовы нашего времени // Логика метаисторического времени / Сост. К.И. Кийченко, В.Н. Расторгуев, В.И. Шамшурин. М., 2004. 0,28 п.л.

3. *Зиноватный П.С.* Россия перед выбором: между мобилизационной идеей и образовательно-воспитательной политикой // Актуальные проблемы современного руссиеведения: Сборник научных статей / Под общ. ред. М.А. Маслина, П.Е. Бойко; Сост. А.В. Воробьев. М., 2007. 0,3 п.л.

Отпечатано в копицентре «СТ ПРИНТ»
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 16.01.2009 г.